

Зеленин Александр Васильевич
(Университет Тампере, Финляндия)
aleksandr.zelenin@tuni.fi

**В поисках метода: исследования В.В. Колесова
в области исторической лексикологии русского языка**

Аннотация В статье рассматривается развитие и формирование лингвистических идей В. В. Колесова в области исторической лексикологии русского языка на широком историологическом и конкретном языковедческом фоне. Поиски своего метода исследования в научной деятельности ученого осуществлялись обращением к трудам выдающихся российских и советских компаративистов (А. А. Потебня, Л. В. Щерба, Б. А. Ларин), глубоким знанием средневековых текстов как единственно надежной базы в историко-лексикологических изысканиях, применением философско-эвристического принципа триады, являющейся диалектической сущностью объекта и отражаемой в его моделировании исследователем.

Summary The development of Prof. V. V. Kolesov linguistic ideas is in the field of historical lexicology of the Russian language is considered against the broad historiological and linguistic background. Searching for research method was based on three principles. The first is the appeal to works of prominent comparativists (A. A. Potebnya, L. V. Shcherba, B. A. Larin). The second is a deep knowledge of Medieval texts as the only reliable base in Research in Historical Lexicology. The third is the use of philosophical and heuristic principle of the triad which is dialectical essence of research object and reflected by researcher in his modelling of object.

Ключевые слова: историческая лексикология русского языка, В. В. Колесов, метод, сравнительно-историческое языкознание, исследовательские инновации.

Keywords: the historical lexicology of the Russian language, V. V. Kolesov, the research method, comparative-historical linguistics, research innovations

Размышления о методологии, методах, приемах научных исследований – одно из важных направлений в научной деятельности В. В. Колесова: что такое научный метод и как возможно получение нового знания, его верифицируемость, насколько далеко простираются возможности того или иного метода, чем метод отличается от методологии, методики, приемов исследования. Рассуждения на эти и другие темы, о чем пойдет речь в статье, были обозначены уже в ранних работах ученого. Первые пособия В. В. Колесова в области исторической фонетики и фонологии представили его

пристальное внимание к этой проблематике [Колесов 1972; 1982]. Итоговой монографией, подводящей итоги полувекового размышления исследователя о структуре филологического (в первую очередь лингвистического) знания, о способах его изучения на материале языка стала монография «Основания науки» (СПб., 2013).

Систематический, поэтапный анализ методологических изысканий В. В. Колесова, предложившего ряд новаторских идей, еще ждет своего часа и своего исследователя. Задача настоящей статьи скромнее – только пунктирно обозначить те инновационные, эвристические подходы и решения, пройденные и найденные самим В. В. Колесовым.

Историологический аспект. Поиски метода проходили на фоне историологических изысканий ученого об укоренении компаративистики в России. Работы В. В. Колесова в области исторической лексикологии появились в годы, когда в мировой и советской (российской) лингвистике стал совершаться поворот от структуралистских идей к антропоцентрической парадигме в языкознании. Первой научной парадигмой в европейской лингвистике считается сравнительно-историческое языкознание (компаративизм). Если следовать спиралевидной модели развития знания, то компаративизм (XIX в.) и антропоцентризм (конец XX в.) выступают как звенья диалектической триады (по Гегелю): тезис (компаративизм) – антитезис (структурализм) – синтез (антропоцентризм). 1950-1970-е годы – расцвет социолингвистики, которая сместила интерес исследователей от семиотики (связь между знаками и их пользователя) к речевому сообществу, социуму, социокультурным аспектам. Антропологическая лингвистика продолжала приоритеты старой филологии (компаративизма), отвечая запросам нашего времени: лингвистика должна что-то объяснять за пределами языка – «зачем язык вообще» – вот вопрос, который в наши дни поставлен перед изучающими историю языка» [Колесов 2009: 6].

Сопоставляя развитие компаративистики в современный (антропологический) период развития с этапами возникновения сравнительно-исторического языкознания в начале XIX в. В. В. Колесов больше всего солидаризировался, пожалуй, с позицией В. Н. Топорова. Теоретические установки обоих исследователей объединял тезис о необходимости учета «общего идейно-интеллектуального контекста, который складывался в научно-философской, литературно-художественной и общественной жизни Европы во второй половине 18 в. – первые десятилетия 19 в.», «за внешне разнообразными фактами должно крыться (по крайней мере, в значительном числе случаев) внутреннее единство, нуждающееся в истолковании». Отсюда – один шаг до признания следующей ступени развития науки. «Принципом истолкования для секуляризованной науки того времени стал *историзм* [курсив автора. – А. З.], т.е. признание развития во времени, осуществляющегося естественным образом (а не божественной волей, реализующей некий общий план), по *законам* [курсив автора. – А. З.], которые не только описывают самую смену одних форм другими, но и конкретный вид, ими принимаемый» [Топоров 1990: 486; 2006: 22; см. также содержательную статью: Jankowsky 2000]. Развитие – это уже не механическая «лестница форм», но «цепь развития». В русской филологии, по Колесову, эту идею как отправной пункт исследования стал впервые использовать А. Х. Востоков [Колесов 1975], но только в классических работах А. А. Потебни «диалектика “сравнительного” и “исторического” приобрела свойственное им теперь единство и глубокий смысл» [Колесов 2003: 124; также: Колесов 1984; 2002].

В своих работах В. В. Колесов провозглашает принцип и цель изучения лексики русского языка в исторической перспективе – «прозреть носителя <...> языка, его создателя – русского человека с присущими ему духовными и ментальными особенностями» [Колесов 2009: 6]. Мысль исследователя ясна: через познание собственного объекта исследования историческое языкознание призвано объяснить как самого человека-носителя языка, так и мир, в котором человек обитает.

Метод: начальные точки опоры. В своей глубокой научно-популярной книге о жизни, новаторских идеях Л. В. Щербы Колесов неслучайно уделил особое внимание теме поиска метода выдающимся лингвистом первой половины XX в.: во многом их научно-поисковая стезя совпадала. Наблюдения над живой речью («твердая почва реального факта») и созданный Л. В. Щербой в результате наблюдений и обобщений метод экспериментальной фонетики («[т]олько методы экспериментальной фонетики открыли мне сущность явления» – слова Щербы; [Колесов 1987: 45]) стали отправными и для В. В. Колесова. Научный метод нельзя «присвоить», арендовать для своих научных исследований, его нужно освоить, опираясь на работы предшественников, и усвоить, апробируя в своих изысканиях. Каждый исследователь в поиске «своего» метода проходит свой, присущий ему, тернистый путь.

Но суть вещей не в звуках, а в словах, в лексике, в смысле: «[т]ак и мы вслед за Щербой должны подняться над ограниченным полем фонемного уровня, углубиться в изучение тех сторон *языка*, которые сами по себе несут значение, и тем самым находятся ближе к языку, к его *системе*, к сути вещей» [Колесов 1987: 47]. Как изучать лексику, особенно в ее истории? В отличие от фонетики и морфологии, которые в компаративистике изучены лучше всего, «методика <...> сравнительно-исторического изучения лексики, семантики и синтаксиса разработана пока слабо и не дает ожидаемых результатов» [Комарова 2013: 309]. В свое время Ф. П. Филин в историческом языкознании признавал за исторической фонетикой приоритет методов и надежности полученных результатов, предлагая искать адекватные и релевантные способы описания и изучения лексики в исторической перспективе: «Чтобы подготовить историческую лексикологию русского языка *наподобие исторической фонетики*, потребуются гигантские усилия поколений ученых. И все же уже теперь можно и нужно начинать обобщающую работу, в которой была бы разработана историко-лексикологическая проблематика и описаны хотя бы

некоторые важнейшие *тенденции* (везде курсив мой. – А. З.) в длительном и непрерывном развитии словарного состава русского языка» [Филин 2008: 46].

Научную обоснованность выбранного метода для исследования В. В. Колесов видел в двух сущностных моментах: *перспективности* метода и его *продуктивности* (верифицируемости результатов на разных изучаемых текстах) [Колесов 2013]. Используя уже проверенную в исторической лексикологии методику, В.В. Колесов вместе с тем создавал «свой», авторский метод; в такой диалектике частного (субъекта) и общего (метода) происходит и становление самого ученого, и обновление метода. Метод должен отрабатываться и оттачиваться как инструмент научной теории на узком предметном поле, а не навязываться со стороны [Колесов 1996]. Забота о методе в учебных пособиях В. В. Колесова являлась важнейшей частью его лингвопедагогической концепции как элемента «идеологии познания» [Колесов 2009: 11].

Триада как принцип научной рефлексии и исследовательский прием. Следуя исследовательской методологической стратегии развития и историзма, ученый выбирает для своей работы: а) мыслительный способ анализа материала, б) способ выявления в предметном поле вектора развития, в) манеру изложения результатов полученной рефлексии над объектом. Триада – излюбленный прием В. В. Колесова в представлении всех трех аспектов. В своих лекциях, семинарах по методологии научного знания, в книгах у В. В. Колесова часто звучал этот термин, обозначавший в его работах в первую очередь внутреннюю логику развития объекта (вещь-в-себе) и выявляемую исследователем (вещь-для-нас). Триада для В. В. Колесова служила и как модель структуры самого изучаемого объекта, и как методический, дисциплинирующий мысль и направляющий ее последовательное развертывание прием, и как принцип классификации. Это фундаментальное основание философии Гегеля Колесов заимствовал не прямо из работ философа, но через интерпретацию и восприятие Э. В. Ильенкова, к работам

которого часто обращался [Ильенков 1974; 1984]. Триада как всеобщая, всепроникающая, всеобъемлющая модель всех реконструкций проявляется во всех работах ученого: и в наиболее ранней историко-лексикологической книге [Колесов 1986], в обобщающем методологическом компендиуме (**условие** (материал) – **причина** (метод) – **цель** (построение модели объекта) – [Колесов 2013:4], и в лингвофилософии (концептологии): ментализация – идеация – идентификация [Колесов 2002: 405].

С гегелевской идеей принципа единства логического и исторического (опять же в интерпретации Ильенкова) читатель встречается в книге «Мир человека в слове Древней Руси»: это принцип *развития*, включающий в себя *процесс становления законов, тенденций* в той или иной сфере жизни или мысли. Поскольку это диалектический принцип, то логическое и историческое не всегда совпадают, логическое позволяет исследовать, проявить необходимые, релевантные связи в историческом. Логическое есть понятое (в *понятиях* выраженное) историческое. Ср. цитату из указанной книги: «история слов дана на широком развороте средневековой истории. Это позволяет понять, почему термин-понятие в своем появлении *всегда чуть опаздывал* по сравнению с *темпом общественного развития*. Раннее средневековье, породившее феодализм, пронизано терминологией родового быта, и только к концу древнерусского периода *понятия* (и слова, их выражающие) *начинают соответствовать уровню социальной жизни*, оставляя для последующих поколений уже свое представление о социальном. Но как только средневековье выработало собственные понятия о мире, в котором живет человек, возникло стремление к намеренной архаизации сложившихся именований, что, в свою очередь, долго препятствовало осознанию тех *действительных изменений, которые происходили в обществе* (везде курсив мой. – А. З.)» [Колесов 1986: 8]. Закурсивленные мной слова и словосочетания призваны зафиксировать диалектическую борьбу-единство исторического и логического и в самом рассматриваемом материале, и в исследовательской логике автора. Ср. также характерный и типичный для научного творчества ученого подход, где

сфокусированы базовые исследовательские принципы исследователя: «только динамический аспект изучения объекта и предмета способен доказательно и всесторонне представить его онтологическую сущность – в становлении, в движении, в развитии, то есть целиком и во всех системных отношениях» [Колесов 1999: 340].

Историческая лексикология русского языка. Термин *лексикология* – языковой продукт XVIII в. [Considine 2007: VIII], но актуализация его произошла только во второй половине XX в. Одно из первых употреблений термина *историческая лексикология* – в обзоре французской исторической грамматики: *si la lexicologie historique a déjà été l'objet de plusieurs traités ... nous n'avons encore aucune grammaire qui nous donnât l'histoire de la syntaxe*¹ [Rablet 1882: 76. – цит. по: Considine 2010: VIII]. В немецкоязычном языкознании этот термин-калька появился спустя несколько лет для описания исторического развития романской филологии: *die historische Lexikologie* [Gröber 1888]. В 1918 г. термин впервые зафиксирован в англоязычной литературе (*an exercise in historical lexicology* [Clark 1918: 198]). Однако подлинная жизнь и наполнение исследовательскими результатами научного направления, обозначенного данным термином, начались только после Второй мировой войны.

По утверждению Мэтьюса, приоритет использования термина в послевоенные годы следует несомненно отдать советской лингвистике. Согласно проведенным им историографическим изысканиям, первые послевоенные употребления в научном дискурсе связаны, во-первых, с изысканиями В. В. Виноградова², во-вторых, с антимарровской дискуссией 1949-1950 гг. [Matthews 1949: 606], последовавшим назначением В. В. Виноградова директором Института языкознания АН СССР и его

¹ «[е]сли историческая лексикология уже была предметом нескольких трактатов ... у нас все еще не было грамматики, которая дала бы нам историю» (перевод мой. – А.З.).

² Очевидно, одно из первых упоминаний в научном дискурсе – тезисы и прочитанный В. В. Виноградовым доклад в Ленинградском университете [Виноградов 1946].

многочисленными публичными выступлениями; в частности, В. В. Виноградов вывел термин *историческая лексикология* в публицистический стиль в статье в «Правде»: «Учением И. В. Сталина об основном словарном фонде и о словарном запасе языка закладываются марксистские основы *исторической лексикологии* и истории словообразования <...> (курсив мой. – А.З.)» [Виноградов 1950, 4 июля. № 185]. Историографы полагают, что этот термин Виноградов перенес из французской лингвистической традиции, которую хорошо знал и которой во многом следовал, в «подходящее время и в подходящий момент» в советскую филологию [Ellis and Davies 1951: 255]. Традиции исторической лексикологии в Ленинградском университете были сильны, начиная с 1930-х годов, В. В. Виноградов, видимо, неслучайно прочитал доклад на эту тему именно в этом университете. В 1972 г. в Ленинградском государственном университете начала выходить периодическая серия «Русская историческая лексикология и лексикография» (1972–2008; выпуски 1–7), с 2008 г. серия поменяла название «Историческая лексикология и лексикография» в связи с «задачей расширения поля научных проблем и фактографической базы исследований» [ИЛЛ 2008]. Эта серия, по признанию компаративистов, является уникальной в своем роде, поскольку нигде в мире не существует такой длительной и систематической серии сборников, излагающих целенаправленное изучение лексики в ее историческом развитии. Активным участником сериального издания на протяжении многих лет был и В. В. Колесов (статьи, редактора).

С чего начать? Никто не станет спорить, что самой причиной языка является коммуникативная, то есть общение и передача сообщения. «Семантика – это ”самый глубокий” уровень грамматики, и, по сути, все языки на этом уровне одинаковы, независимо от того, как осуществляется их формальная реализация» [Anttila 2009: 133]. Восстановлением протослов, протооснов занимается палеолингвистика. Но если мы говорим об исторической лингвистике (или – уже – лексикологии) какого-либо языка, то насколько глубоко может и должна простираться историческая реконструкция?

Так, Ф. П. Филин полагал: «С чего начинать? С реконструкции *словарного состава языка восточных славян дописьменной эпохи* (курсив мой. – А. З.), когда устная речь в ее диалектных разновидностях была единственным средством общения. Если возможна реконструкция более древнего праславянского лексического фонда, то должно быть возможным описание прарусского (древнерусского) словарного состава» [Филин 2008:46]. В. В. Колесов как убежденный сторонник идеи, что история слов (историческая лексикология) невозможна без привлечения истории общества выбирает исторические понятия и категории в качестве отправной точки. Свою книгу «Мир человека в слове Древней Руси» В. В. Колесов начинает с обозначения хронологического периода, в пределах которого он рассматривает в данном труде становление, семантическое движение социальных и этических терминов: «от понятий первобытного строя (этимологическая реконструкция) до времени сложения первых феодальных государств в обстановке столкновения языческой и христианской культур» [Колесов 1986: аннотация]. Однако ссылки на работы В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, И. Я. Фроянова позволяют утверждать, что для В. В. Колесова существенно важными для историко-лексикологических изысканий являются: VIII-IX в. (первобытнообщинный строй) – X или первая половина XI в. (раннефеодальные отношения) – XI-XII вв. (сложение основных социально-экономических и политических институтов феодального строя). В целом можно видеть, что начальные точки отсчета при изучении исторической лексикологии у Филина и Колесова совпадают – VIII-IX вв.

Этимология в исторической лексикологии. Компаративизм на заре своего развития сделал этимологические изыскания в сравнении разных языков одной из центральных зон изучения и выявления сходств и различий, с тех пор утвердилось убеждение этимология – это научно контролируемое изучение истории слов. Она тесно связана с генетической (компаративной) лингвистикой, потому что историческая грамматика или реконструкция должны основываться на тщательной проверке всех этимологических

соответствий. (Это было особенно заметно на фоне полушутливо-полусерьезных «этимологических занятий» XVIII в., характерных для всей Европы; ср. примеры их русского материала: Норвегия из *Наверхия* (на верху географической карты), Италия – из *Удалия* (удалена, отдалена от Москвы), этрусски – *хитрушки* у В. К. Третьяковского). Младограмматизм (конец XIX в.) развил и уточнил методику этимологического анализа. Переосмысление роли этимологии в младограмматической школе Г. Шухардта («Wörter und Sachen», «Слова и вещи»), на которого довольно часто ссылался В.В. Колесов, заключалось в выведении этимологии из узкой зоны лексикологии в сферу культуры и вещного мира. Младограмматизм также показал сложности в диахронической стратификации слова: исторические пробелы часто таковы, что большая часть истории слова известна, но не его происхождение, или же происхождение ясно, но история содержит неопределенности. Один из ведущих методологов компаративистики второй половины XX в. справедливо оценивал роль младограмматизма в компаративистике: «Этимологический скрининг является обязательным условием для реконструкции, чтобы не допустить обременения протоязыка обломками нашего невежества и высокомерия» [Anttila 2009: 333].

Непременное обращение к этимологии слова в филологических штудиях А. А. Потебни, сыгравшего важнейшую роль в формировании научного и методологического аппарата компаративистики в России, одного из вдохновителей и «учителей» В. В. Колесова на протяжении всего его научного творчества, проходило рефреном в историко-лексикологических изысканиях ученого: специфику семантического развития слова во многом (пред)определяет его внутренняя форма, отсылаемая к этимону. Эта мысль явственно была обозначена и в работах Л. В. Щербы о механизмах семантического развития слова в истории; лексикографическая разработка Щербой семантики слова *игла* в «Словаре русского языка» расценивалась Колесовым как образцовая [СРЯ 1935, 9]. Идеи Потебни о функции внутренней формы слова как стержне в его семантическом развитии Щерба применил в

области лексикографии: чтобы научно мотивировать структуру лексикографической статьи и правомерность выделения в слове игла 10 значений, он предлагает ввести особое «значение» – ‘нечто подобное швейной игле’; это «значение» служит стержнем, скрепой, интегральным семантическим признаком для всех значений, прямых и переносных [см. также: Истрина 1951]. Но даже если этимон не всегда ясен, лингвистически установлен, то его неясность порой компенсируется обращением именно к тексту, где может выявляться заложенный в гипотетическом этимоне начальный смысл.

«Реабилитация» текста. Начальное развитие компаративистики совершалось через и на основе изучения текстов, разложение их по лексическим «атомам» привело к составлению словарей разной направленности (сравнительно-языковых, этимологических, словарей памятников и др.). С этим непосредственно связано и то, что на заре компаративистики синтаксис был центральной областью зарождающегося сравнительно-исторического метода, и язык всегда изучался в контексте полных текстов, интегрированных со сферой культуры. Но младограмматики пренебрегали синтаксисом, предпочитая изучать слова, а не тексты. Накопление словарной составляющей в компаративистике привело к тому, что сравнение языков или исследовательская работа внутри одного языка стала вестись со всё большей опорой на словари, а иногда и просто с полной ориентацией на словарные материалы. Способ извлечения материальной базы для словарей из текстов – дедуктивный. Переориентация в компаративистских построениях на словари в ущерб текстам – это применение индукции как главного исследовательского и интеллектуального приема¹.

¹ В методологической и методической литературе, описывающей и характеризующей методы изучения, индукция и дедукция применительно к сравнительно-историческим работам рассматриваются как последовательно сменяющие доминирующие исследовательские процедуры: «в современной компаративистике <...> индуктивное начало преобладает над дедуктивным» [Тарланов 2019: 165]. На рубеже XIX и XX вв. ослабление одного (дедукции) привело к доминированию индукции в современном языкознании [Курилович 1965].

Понимание, что построение надежных и верифицируемых результатов изучения древнерусского текста невозможно на базе лексикографических источников, присутствует во всех исследованиях В. В. Колесова по исторической лексикологии, семантике, стилистике. Отсюда многочисленные работы (главы в книгах, статьи, заметки) В. В. Колесова по изучению языка и стиля отдельных писателей, церковных авторов (Даниила Заточника, Кирилла Туровского, Епифания Премудрого и др.), многочисленных изданий и комментариев литературных памятников («Житие протопопа Аввакума, писанное им самим», «Житие Сергия Радонежского», «Домострой» и др.; см., например, Колесов 1989); именно в текстах раскрывается подлинная линия семантического и стилистического развития лексемы, словари служат ученому лишь как подспорье, как факультативный, вспомогательный, уточняющий инструмент анализа, но не определяющий и направляющий вектор семантического развития, даже если в словарных статьях указаны даты фиксации лексемы в текстах. Хронология, снабжающая слово в словаре временной привязкой, не может служить единственным объективным маркером его жизни.

Объект изучения никогда не существует, не дан сам по себе, он формируется мыслью исследователя¹. Объектом исторической лексикологии «является семантика слова, в своем историческом движении определяемая функцией текста», «историческая лексикология изучает текст, изучая слово» [Колесов 2004: 117; 29]. В. В. Колесов, рассматривая текст с диахронических позиций, понимает его как «последовательность семантически выразительных знаков, построенную согласно правилам данного языка и образующую сообщение, *идеологически важное* (курсив мой. – А.З.) для данной культуры» [Колесов 1989: 32]. Выделенный фрагмент не следует понимать в

¹ «[В] реальной практике работы исследователь всегда имеет дело не с объектами изучения как таковыми, <...> а с конкретными знаниями, фиксирующими то или иное объективное содержание <...>» [Щедровицкий 1995: 169]; «Ни один исследователь никогда не имеет дела с объектом «как таковым». Объект всегда определенным образом «дан» исследователю. Это значит, что ученый смотрит (и не может не смотреть!) на объект через призму существующего в настоящий момент знания» [Юдин 1997: 80].

социологическом, политологическом смысле, напротив – Колесов использует эту фразу в рамках ленинградской (петербургской) школы исторического языкознания. В частности, в этой цитате Колесова можно увидеть явную интертекстуальную отсылку к идеям Б. А. Ларина, высказанные им еще в 1930-е годы во время обсуждения планов создания словаря древнерусского языка: в таком словаре необходимо «расширить и пополнить узко-филологическую обработку материала <...> экскурсами реально-энциклопедического характера, привлечением *данных истории материальной культуры...*», ибо только в содружестве «языка и идеологий (везде курсив мой. – А.З.)» [Ларин 1977: 120] можно продвинуться в изучении текстов прошлого. «Идеологическим» воплощением слова в древнерусском тексте выступает символ: «символическое изображение может быть таким же важным и опорным, как образ вещи» [Ларин 1977: 122].

Озабоченность смещением материально-источниковедческой базы историко-лексикологических исследований к словарям, тезаурусам, электронным базам данных в ущерб изучению текстов начинает осознаваться всё больше и острее. Ср. характерный и важный вопрос, помещенный под номером 1 в вопроснике, предварительно распространенном накануне проведения научного семинара, посвященного изучению вопросов взаимоотношения языка и ментальности в различные исторические эпохи (от древнейших периодов до XX-XXI вв.): «Какие источники и методы изучения исторической семантики слова вы используете? Можете предложить? (Вопрос возник в связи с тем, что значительная часть современных диахронических работ опирается на материал, извлеченный из исторических *словарей* и *картотек* (а не из первоисточников, не из древних/средневековых *текстов*), что, как мы полагаем, приводит к ситуации, когда вместо ментальности прошлых эпох изучается логика ученых-лексикографов XIX-XXI вв.)» [Язык 2017: 3-4].

Постструктуралистский вызов исторической лингвистике. В западной компаративистике предпринимались попытки перенесения формализованного

описания семантических изменений с использованием популярного в 1960-е годы структуралистского метода компонентного анализа Каца-Фодора [Katz – Fodor 1963], применяемого в синхронической лингвистике, в частности, на материал лексики французского языка [Werth 1974; Voyles 1973], однако никакого продолжения они не имели, так как не привели к удовлетворительному объяснению процессов в исторической семантике [Posner 1980]. «Чтобы раскрыть всю полноту значений слова, необходимо выяснить также его значение в системе духовных и культурных ценностей народа». [Бабурина 1997: 49]. Для понимания причин семантических изменений часто требуется глубокое историческое знание (историко-культурной) ситуации, что структурализм по природе своей выносит за рамки декларируемого им «точного», «объективного» исследования. Формальный аппарат языка (фонетика, морфология) гораздо более консервативен, чем изменения в культуре или человеческом опыте, которые постоянно расширяются и требуют семантических трансформаций. Из структурализма историческая компаративистика вынесла себе задание: требовалось новое осмысление соотношения между *описанием* и *объяснением* языковых явлений. В постструктуралистский период «попытки внести объяснения в анализ языка неизбежно должны были сопровождаться созданием гипотез об устройстве языка, выработкой теорий, объясняющих его глубинные, *недоступные для непосредственного наблюдения структуры* (курсив мой. – А.З.)» (Шулежкова 2004: 335). Очевидно, таким выходом за пределы «непосредственного наблюдения» является введенное В. В. Колесовым в историческую лексикологию русского языка понятие синкреты.

Языковая синкрета – исследовательская гипотеза и исследовательский инструмент. Лексиколог, занимающийся исторической проблематикой, всегда строит для себя вектор движения мысли при изучении объекта: можно двигаться от современности – к древности, используя современные термины «слово», «лексема» применительно к древнерусскому материалу, но в этом случае исследователя подстерегает «абберация зрения» (одно из любимых

выражений ученого). Этот путь изучения – ретроспективный. Однако исследователю нужно пытаться интеллектуально реконструировать прошлое, постараться вжиться в него, прибегая к интроспекции, интуиции¹ и двигаясь в противоположном направлении: от древности – к современности. Этот путь – проспективный. Ближайшим аналогом такому способу методу работы с древнерусским материалом В. В. Колесова выступают категории «прямой и обратной перспективы» П. Флоренского: на примере иконы он показал смену обратной перспективы на прямую, свойственную современному восприятию реального ряда предметов, вещей [Колесов 2004: 161].

Идеи о синкретизме средневекового мышления и отражения его в языке высказывались уже давно (А. В. Потебня, М. М. Покровский, А. Н. Веселовский, Л. Леви-Брюль, Д. С. Лихачев, А. Я. Гуревич, В. Г. Гак, В. З. Панфилов, Л. С. Ковтун, В. М. Марков и др.). В частности, уже у Потебни отчетливо звучала мысль о распаде древнерусского синкретизма (без использования данного термина), укреплении парадигматики в движении языков к Новому времени и ослаблении синтагматических связей, обусловленных распадом синтагмы как структурно-семантического единства [Потебня 1968]. Инновационным исследовательским приемом явилась теоретическая и лингвометодическая разработка и применение В. В. Колесовым этого понятия на лексическом материале древнерусского языка. Древнерусский синкретизм, по его мнению, – это феномен языка, а не речи; семантический синкретизм онтологичен по своей природе, являя собой скорее психологическое, нежели логическое понятие: синкрета – «сложное понятие, функционально представленное как образ и воплощенное в символе» [Колесов 1991]. Развитие синкреты в исторической перспективе рассматривается исследователем также по триадической схеме: от обозначения денотата – через

¹ Об усилении влияния интроспекции и на способ мышления лингвиста, и на лингвистические построения в период развития антрополингвистики в последние три десятилетия много говорилось (Л. Теньер, И. Мельчук, А. Вежбицкая, Е. Падучева, Е. Кубрякова, Н. Рябцева, И. Кобозева, М. Русакова, В. Левицкий и др.).

семантически насыщенную (наполненную) метафору – к культурному концепту [Колесов 1992].

В сравнительно-историческом языкознании метод внутренней реконструкции применяется, в основном, для этимологических и морфологических изысканий. В. В. Колесов использовал этот метод в лексикологии; в частности, им были предложены новаторские историко-лексикологические интерпретации формирования синонимических рядов в древнерусском и вскрыт их семантико-морфологический механизм. Например, слово *домъ* в древнерусском использовалось в значениях ‘очаг’, ‘семья’, ‘здание’, ‘домохозяйство’, в последнем значении слово *домъ* синонимизировалось со словом *дворъ*. Однако семантическая и стилистическая дистрибуция слов *домъ* и *дворъ* зависела от морфологической парадигматики (*dvorъ* – тип склонения на *-ѡ, *domъ* – тип склонения на *-ѣ). Повторяющееся (рекуррентное) употребление, семантически и прагматически важное для коммуникации в определенных внеязыковых конситуациях, явленных в контекстах, устраняло синкретичную полисемию слова *домъ* и вызвало сначала контекстуальную (речевую), а затем привело к языковой синонимизации со словом *дворъ* [Колесов 1984]. Реконструкция не является произвольным, случайно выбранным исследователем процессом, она не создает идей. Скорее она тестирует и модифицирует идеи.

Лексика соответствует символическим аспектам знака, грамматика – знаковым, то есть правилам построения текста. Феномены культуры, как правило, вызывают различные реакции на номинацию, например, с помощью метафоры, метонимии, и в результате синхронная вариативность возрастает. Эта вариация лежит в основе семантического изменения, когда происходит появление или, напротив, отмирание значений. Отмирание значения в

принципе связано с потерей стилистической маркированности¹. Изменение всегда является результатом вариативности и речепроизводства.

Завершая небольшой экскурс в проблематику историко-лексикологических изысканий В. В. Колесова, я бы хотел использовать слова А.М. Камчатнова, сказанные им в рецензии на «Словарь русской ментальности» [СРМ]: этот словарь пытается «уловить неуловимое» [Камчатнов]. Работы В. В. Колесова в области исторической лексикологии также пытаются «уловить неуловимые» историко-культурные и семантические сдвиги в значениях слов в приближении к Новому времени. В. В. Колесов цитирует слова Достоевского «Вы говорите: ф а к т ы, – мы и без того завалены фактами и не знаем, что с ними делать» [Колесов 1986: 5]. Не «факт» (частный случай) исследователь делает предметом своего рассмотрения в историко-лексикологических штудиях, а целью его являлось, «жертвуя частностями и опуская однородные факты, выразить полученный многолетними исследованиями результат компактно, как целостную картину древнерусских представлений о ценностном мире человека в том виде, как они отразились в древнерусской письменности» [Колесов 1986: 6]. Научный метод, избираемый ученым, реализуется ведь не сам по себе, он осуществляется субъектом: как через метод проявляется активное отношение субъекта к действительности, так и метод служит характеристикой самого субъекта. Субъект и метод в фигуре В. В. Колесова слиты воедино, он никогда не боялся брать на себя ответственность за выдвигаемые идеи и гипотезы, не боялся признаться в

¹ А. М. Камчатнов, размышляя о книге В. В. Колесова «Философия русского слова» [Камчатнов 2004: 137], справедливо акцентировал его мысль: «чистой» семантики в слове нет – «она всегда стилистически окрашена» [Колесов 2002: 136]. Аналогичная мысль высказывалась и в западной компаративистике [Anttila 2009: 153]; очевиден автономный, независимый путь рождения идеи, но характерно общее понимание в проблематике компаративистики актуальности связи семантики и стилистики на самом глубинном (социопсихологическом) уровне слова.

«авторской концепции поднятых проблем». И далее важное признание: «[я] не уверен, что опровергая некоторые частные аспекты изложения или не соглашаясь с ними, оппоненты добьются положительного результата. В конце концов, здесь излагаются результаты исследований по истории языка за последний полуторавековой период, так что по меньшей мере и они должны будут предложить собственную интерпретацию этих коллективных усилий русистов-историков» [Колесов 1996: 6]. Накопление знаний осуществляется «фактами», развитие теории – концепциями.

Источники

СРЯ – Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР. Т. 9, вып. 1 (И-Идеализировать). М.;Л., 1935. 159 с

СРМ – В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. Словарь русской ментальности. СПб.: Златоуст, 2014. – 1184 с.

Литература

Бабурин К. Б. Этнолингвистический аспект в исторической лексикографии // Вопросы языкознания. М., 1997. № 3. С. 48-52.

Виноградов В. В. Материалы и исследования в области исторической лексикологии русского литературного языка // Научный бюллетень ЛГУ, Л., 1946, № 6. С. 16-18.

Виноградов В. В. Программа марксистского языкознания // «Правда», 1950, 4 июля, № 185 (11657). Стр. 3.

ИЛЛ – Историческая лексикология и лексикография: межвуз. сб. Вып. 8 / отв. ред. О. А. Черепанова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 236 с.

Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Москва, Политиздат, 1974. 271 с.

Ильенков Э. В. Принципы материалистической диалектики как теории познания. М.: Наука, 1984. 304 с.

Истрина Е. С. Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951. С. 82—87.

Камчатнов А. М. Фундаментальное исследование о русском слове // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4. М., 2004. С. 133-138.

Колесов В. В. Введение в историческую фонологию. Ч. 1. Сегед, 1972; Ч. 2. Л., 1982.

Колесов В. В. Поиски метода: Александр Христофорович Востоков // Русские языковеды. Тамбов, 1975. С.82-113.

Колесов В. В. Становление идеи развития в русском языкознании первой половины XIX в. // Понимание историзма и развитие языкознания первой половины XIX века. Л.: Наука, 1984. С.163-199.

Колесов В. В. Л. В. Щерба. М.: Просвещение, 1987. 144 с.

Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 296 с.

Колесов В. В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1991. Вып. 2. № 9. С. 40-49.

Колесов В. В. Возвращение на круги своя... // Вестник СПбГУ. Сер. 2. СПб., 1996. Вып. 3. С. 44-53.

Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб. : Златоуст, 1999. 368 с.

Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.

Колесов В. В. История русского языкознания. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 471 с.

Колесов В. В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. 702 с.

Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.; СПб.: СПбГУ, 2009. 511с.

Колесов В. В. Основания науки. СПб.: Нестор-История, 2013. 196 с.

Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М: Флинта, 2013. 820 с.

Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. IV. М.: Прогресс, 1965. С. 400-433.

Ларин Б.А. Проект Древнерусского словаря. Вводная заметка // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 114-125.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М.: Просвещение, 1968. 551 с.

Тарланов З. К. Методы лингвистического анализа. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 236 с.

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Том 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Книга 1. М.: Языки славянских культур, 2006. 544 с.

Шулежкова С. Г. История лингвистических учений: учеб. пособие для филологических вузов. М.: Флинта: Наука, 2004. 400 с.

Щедровицкий Г. П. Смысл и значение // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 545-576.

Юдин Б. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. 444 с.

Язык – Язык и ментальность в диахронии. Материалы Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых (Владимир-Суздаль, 26 – 28 сентября 2017 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2017. 509 с.

Anttila R. Historical and Comparative Linguistics. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. 462 p.

Jankowsky K. R. The crisis of historical-comparative linguistics in the 1860s // History of the Language Sciences / Geschichte der Sprachwissenschaften / Histoire des sciences du langage. 3. Teilband. Sylvain Auroux, E.F.K. Koerner, Hans-Josef Niederehe, Kees Versteegh (eds.). Berlin, N-Y: Walter de Gruyter, 2000. P. 1326-1338.

Clark J. T. Lexicological evolution and conceptual progress // University of California publications in modern philology. V. 7. Berkeley. University of California Press, 1918. P.175–200.

Considine J. Historical lexicology and historical lexicography // Webs of Words: New Studies in Historical Lexicology. Ed. J. Considine. Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. XII-XXI.

Rablet P. D. Bulletin bibliographique [review of A. Chassang, Nouvelle grammaire française: Cours supérieur, avec des notions sur l'histoire de la langue (1878)] // Taalstudie: Tweemaandelijksch tijdschrift voor de studie der nieuwe talen, Том 3. Amsterdam, 1882. P. 76-78.

Gröber G. Methodik und Aufgaben der sprachwissenschaftlichen Forschung // Grundriss der romanischen Philologie. Strassburg: Karl J. Trübner, 1888. S. 209–250.

Katz J. J., Fodor J. A. The structure of a semantic theory // Language. V. 39. Baltimore: Linguistic Society of America, 1963. P. 170-210.

Matthews W. K. Review of V. V. Vinogradov, Russky yazyk (1947) // Slavonic and East European review. V. 27 (no. 69). London: University College, 1949. P. 605–611.

Posner R. Historical Romance lexicology and semantics // Romance Comparative and Historical Linguistics. Eds. R. Posner and John N. Green. Berlin: Mouton de Gruyter, 1980. S. 175-190.

Werth P. Accounting for semantic change in current linguistic theory // Anderson J. M., Jones C. (eds.) Historical linguistics. Proceedings of the First International Conference, Edinburgh 1973. V. 1. Amsterdam: North Holland, 1974. P. 377-419.

Voyles J. B. Accounting for semantic change // *Lingua*. V. 31 1973. P. 95-124.